

ТОЛМАЧЕВА А.А.¹ КОММЕНТАРИЙ К СТИХОТВОРЕНИЮ ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ «РЕЛИКВИИ»[©]

Аннотация. Статья посвящена анализу стихотворения Шарлотты Бронте «Реликвии», входящего в ее первый (и единственный прижизненный) поэтический сборник «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Беллов» (1846). Учитывается уникальная композиция книги, где стихотворения сестер сгруппированы в тематические триптихи, позволяющие проследить эволюцию ведущих мотивов – например, переход от темы веры в первом триптихе к теме памяти во втором. Далее выявляется интертекстуальная связь между ранней поэзией и зрелой прозой Бронте. В «Реликвиях» тема памяти раскрывается через диалектику света и тьмы. Если световой мотив, объединяющий образы матери и дочери, впоследствии находит свое развитие в образе Хелен Бёрнс из романа «Джейн Эйр» (1847), то мотив тьмы воплощает угрозу всепоглощающего забвения. Автор статьи приходит к выводу, что все три образа (матери, дочери и Хелен) укоренены в глубоко личном воспоминании Шарлотты о старшей сестре Марии. Их подлинное бытие, утверждаемое вопреки тьме небытия, существует не в физической реальности, а в освещенном пространстве памяти повествователя.

Ключевые слова: Шарлотта Бронте; сестры Бронте; мотив света; мотив тьмы; тема памяти; «Реликвии».

¹ **Толмачева Агата Андреевна** – аспирант, ассистент кафедры романо-германской филологии, Дальневосточный федеральный университет; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8091-0435>; tolmacheva.aa@dvfu.ru

Научный руководитель: **Модина Галина Ивановна** – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии; ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>; modina.gi@dvfu.ru

© Толмачева А.А., 2025

Для цитирования: Толмачева А.А. Комментарий к стихотворению Шарлотты Бронте «Реликвии» / науч. рук. Г.И. Модина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2025. – Специальный выпуск. – С. 97–109. – DOI: 10.31249/lit/2025.05.08

Поступила: 03.10.2025

Принята к печати: 15.12.2025

TOLMACHEVA A.A.¹ A commentary on Charlotte Brontë's poem *Mementos*[©]

Abstract. The article presents an analysis of Charlotte Brontë's poem *Mementos*, which is included in her first (and only published during her lifetime) poetry collection, *Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell* (1846). Firstly, the unique structure of the volume is taken into account, wherein the sisters' poems are grouped into thematic triptychs, allowing for the tracing of the evolution of key motifs – for example, the transition from the theme of faith in the first triptych to the theme of memory in the second. Secondly, the intertextual connection between Brontë's early lyric poetry and her mature prose is identified. In *Mementos*, the theme of memory unfolds through the dialectic of light and darkness. While the motif of light, which connects the images of the mother and daughter, subsequently finds its development in the figure of Helen Burns from the novel *Jane Eyre* (1847), the motif of darkness embodies the threat of all-consuming oblivion. The author of the article concludes that all three images (the mother, the daughter, and Helen) are rooted in Charlotte Brontë's deeply personal memory of her elder sister, Maria. Their authentic being, affirmed against the darkness of non-being, exists not in physical reality, but within the illuminated space of the narrator's memory.

Keywords: Charlotte Brontë; the Brontë sisters; motif of light; motif of darkness; theme of memory; *Mementos*.

To cite this article: Tolmacheva, Agatha A. A commentary on Charlotte Brontë's poem *Mementos*, Social sciences and humanities. Domestic and for-

¹ **Tolmacheva Agatha Andreevna** – postgraduate student, Assistant, Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8091-0435>; tolmacheva.aa@dvmu.ru

Scientific supervisor: **Modina Galina Ivanovna** – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>; modina.gi@dvmu.ru

© Tolmacheva A.A., 2025

eign literature. Series 7: Literary studies, Special Issue, 2025, pp. 96–108.
DOI: 10.31249/lit/2025.05.08 (In Russian)

Received: 03.10.2025

Accepted: 15.12.2025

Литературный дебют сестер Бронте состоялся в 1846 г. с публикацией совместного поэтического собрания «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Беллов» (*Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell*). Книга отличается оригинальной композицией: стихотворения сгруппированы в тематические триптихи, в которых за стихотворением Шарлотты следует произведение Эмили, а затем – Анны. В рамках каждого триптиха заданная тема получает трехчастное развитие, преломляясь в поэтике каждой из писательниц. Таким образом, художественное единство собрания возникает не из стилистического единообразия, а из глубинного диалога трех творческих голосов, соединенных общностью духовных и творческих поисков.

В первом, вдохновленном религиозными переживаниями, триптихе поэма Шарлотты «Сон жены Пилата» (*Pilate's Wife's Dream*) предваряет стихотворение Эмили «Вера и уныние» (*Faith and Despondency*). Если главным лейтмотивом здесь является испытание веры, то вторым, менее явным, становится мотив благодарной памяти об умерших – надежда на воссоединение с ними за пределами земного бытия смягчает горечь утраты:

Я знаю, есть блаженный берег,
<...>
Где мы родились, где ты и я
Встретим наших Любимых, когда умрем;
Свободные от страдания и тления,
Воссоединившиеся с Богом¹.

Завершает первый триптих стихотворение Анны «Воспоминание» (*A Reminiscence*). В нем намеченная ранее тема памяти

¹ Здесь и далее поэтический перевод мой. – А. Т.
I know there is a blessed shore
<...>

Where we were born, where you and I
Shall meet our Dearest, when we die;
From suffering and corruption free,
Restored into Deity.

[Brontë, 1846, p. 10]

звучит уже отчетливо, оттесняет тему веры и становится центральной:

Пускай я больше не могу тебя увидеть,
Утешаюсь тем, что видела когда-то;
И пускай оборвалась скоротечная жизнь твоя,
Отрадно думать, что ты был(а)¹.

Тему памяти, плавно введенную Эмилией и Анной, продолжает второй триптих, который открывается сочинением Шарлотты «Реликвии» (*Mementos*). Незначительные на первый взгляд вещи: книги, веера, ракушки, портретные миниатюры – наполнены особым смыслом в глазах лирического повествователя. Нежная привязанность героя к прежней владелице этих предметов преобразует некогда бесцельные сувениры (*mementos*) в реликвии – бесценный источник дорогих воспоминаний.

Стихотворение «Реликвии» написано четырехстопным ямбом, неравномерно чередующимся с трехстопным, и насчитывает 258 строк. Его сюжет, по-видимому, тесно связан с вымышленными сказаниями об Англии, над которыми Шарлотта и ее брат Брентуэлл работали в юности на протяжении почти пяти лет. Лишь в 1839 г., оставив работу в Роухедской школе, Шарлотта прощается с дорогим ей миром юношеских фантазий: «Я написала уже изрядное количество книг, и долгое время мои персонажи, сцены, сюжеты оставались одними и теми же. <...> Однако мы должны меняться, ибо взор устает от одних и тех же примелькавшихся картин. <...> я хочу на какое-то время покинуть эту дышащую жаром местность <...> Пора <...> вернуться в прохладные края, где брезжит серый, скупой рассвет и небо наступающего дня, по крайней мере пока, затянуто облаками» [Бронте, 2012, с. 470]. Шарлотта чувствовала, что мир Англии слишком глубоко и надолго завладел ее воображением, и потому переход к изображению обыденной реальности представлялся ей непростой творческой задачей.

Стихотворение «Реликвии» тематически и композиционно перекликается с английской повестью Шарлотты «Герцог Замор-

¹ Yet, though I cannot see thee more,
'Tis still a comfort to have seen;
And though thy transient life is o'er,
'Tis sweet to think that thou hast been...

[Brontë, 1846, p. 11]

на» (1838), в которой повествование ведется от лица Чарлза Тауншенда – литературной «маски» писательницы в художественном пространстве Англии. В завязке повести Тауншенд, пресытившись порочными светскими нравами, удаляется в деревенское уединение. Там, в размышлениях, возникает центральный для произведения мотив: судьба тех, кто не сумел вовремя вырваться из столичного «водоворота страстей» [Бронте, 2012, с. 133]. Особенно занимают героя воспоминания о женщинах, погубленных любовью к некому Александру Перси.

Александр Перси, он же граф Нортенгерленд, – альтер эго Бренуэлла в художественном мире Англии [Dinsdale, 2006, p. 42]. Его вторая жена – Мария – умирает во цвете лет, не в силах пережить разлуку со своими сыновьями, которых Перси отказывается признавать и воспитывать. Убежденный, что дети унаследовали его демоническую сущность [Бронте, 2012, с. 474], он отсылает троих сыновей из дома сразу после рождения. Избежать изгнания удастся лишь дочери героя Марии-младшей, но мать семейства, чей разум изнурен горестями, умирает вскоре после появления девочки на свет.

Сраженный утратой Перси пренебрегает не только воспитанием дочери, но и собственным благополучием: «С того августовского вечера, когда Перси повернулся спиной к свежей могиле и ушел домой сломленным человеком, он так и не стал собой. Сердце ожесточилось, жизнь отныне сделалась сплошной чередой саморазрушительных безумств» [Бронте, 2012, с. 145]. На протяжении восемнадцати лет он предавался «самым изощренным крайностям порока, частью по зову собственной чрезвычайно дурной натуры, частью – в попытке разгульным буйством заглушить память о той, которая некогда помогла ему пересилить внутреннего демона и соединиться с ангелом-хранителем» [Бронте, 2012, с. 145]. Впоследствии герой находит единственное утешение в своей повзрослевшей дочери: «...она одна радовала его и внушала ему гордость. Впрочем <...> за малейшееслушание либо попытку возразить он безжалостно прибил бы ее на месте» [Бронте, 2012, с. 363]. Не смущаясь ни дурной репутацией отца, ни его буйным нравом, Мария Перси взирает на горячо любимого родителя «со смесью страха и восхищения» [Бронте, 2012, с. 363].

Вспоминая любовные похождения юного Александра Перси, Тауншенд рассматривает «реликвии» двадцатилетней давности – старые письма: «...я взял со стола бумажник, открыл его и разложил перед собой содержимое: пожелтевшие письма с чернилами,

расплывшимися от сырости и выцветшими от времени. Не спрашивайте, как они ко мне попали. <...> я искал эти эпистолы наудачу в давно заброшенных домах, в старых секретерах и бюро, которые не открывали десятилетиями» [Бронте, 2012, с. 133–134].

Рамочную композицию стихотворения «Реликвии» образуют два плана: внешний (прогулка двух героев по старому особняку) и внутренний (воспоминания о судьбе одной семьи), навеянные созерцанием уцелевших вещей-реликвий. Лирический повествователь – пожилой господин – наведывается в заброшенный дом, где некогда жили дорогие ему люди. Поддавшись странной прихоти, он решает «навести порядок в давно запертых ящиках комодов / И на полках шкафов, что были закрыты годами...» (Arranging long-locked drawers and shelves / Of cabinets, shut up for years... [Brontë, 1846, p. 11]). Разбирая хранящиеся в них «реликвии минувших радостей и огорчений» (mementos of past pains and pleasures [Brontë, 1846, p. 11]), рассказчик вспоминает давно почившую хозяйку угрюмого жилища и ее дочь. С рассказом об их судьбе он и обращается к своему безмолвному слушателю.

До замужества хозяйка дома жила в мечтательном и благодатном уединении. Больше всего на свете «она любила / луну в безоблачном небе» (she loved / A cloudless moon... [Brontë, 1846, p. 14]) и наслаждалась тем, как «ее сияние / Неровно разливается сквозь деревья, / Пока летний ветер, нежный и томный, / То и дело колышет ветви» (the trees / Let in the lustre fitfully, / As their boughs parted momentarily, / To the soft, languid, summer breeze [Brontë, 1846, p. 15]). Портрет героини «пронизан» внутренним светом: «Она обладала спокойным умом, ясная безмятежность / Сияла в ее глазах, затмевая веселый нрав» (Her mind was calm, its sunny rest / Shone in her eyes more clear than mirth [Brontë, 1846, p. 14]). Своим присутствием она «озаряла день, теперь такой хмурый» (a kind of day / Lit up – what seems so gloomy now) и освещала мрак особняка:

Эти мрачные дубовые стены навевали уныние уже тогда,
Это старое резное кресло в ту пору уже обветшало;
Но унылая и гнетущая обстановка
Лишь оттеняла свежесть ее щеки...¹

¹ These grim oak walls, even then were grim;
That old carved chair, was then antique;
But what around looked dusk and dim

Жизнь героини изменилась после замужества, хотя подробности семейной жизни остаются за пределами повествования. Она оказалась во власти лживого и жестокого мужчины, «медленно истлела и умерла от горя» (*died of grief by slow decay*) вскоре после рождения дочери. Предоставленная самой себе из-за отца, чья «бурная и беспутная жизнь» (*a life impure and wild*) не оставляла места для заботы о ребенке, девочка выросла не по годам. Убежищем для нее стали чтение и уединенное размышление, основой характера – внутренняя сосредоточенность, в которой, словно воскресая, оживали черты ее матери: пылкий ум и глубокая созерцательность.

Она тоже любила сумеречный лес
И часто, подобно матери своей,
Спешила на далекий холм, как и она,
Поллюбоваться заходящим солнцем
Или увидеть, как в темнеющем небе
Рождаются звезды, одна за другой¹.

Портрет юной девушки, как и ее матери, «озарен» светом, но иным. Ровное сияние, окружавшее материнский образ, в характере героини сочетается со страстным темпераментом отца и превращается во внутренний огонь: «Когда она говорила, / Острый и ясный ум... / <...> читался в ее лице, / Но не было в нем ни румянца, ни сияния, / Лишь изредка показывался беспокойный / Пыл в ее глазах...» (*A keen and fine intelligence, / <...> / Were in her speaking mien. / But bloom or lustre was there none, / Only at moments, fitful shone / An ardour in her eye... [Brontë, 1846, p. 16–17]*). Наделенная «пылкой душой» (*fervid soul*), героиня также обладает и даром красноречия: в умах тех, кто слышал ее, «сила и страсть вскипали на краткий миг» (*transient strength and ardour stirred [Brontë, 1846, p. 17]*). Подобно матери, словно освещавшей пространство вокруг

Served as a foil to her fresh cheek...

[Brontë, 1846, p. 14]

¹ And she too loved the twilight wood,
And often, in her mother's mood,
Away to yonder hill would hie,
Like her, to watch the setting sun,
Or see the stars born, one by one,
Out of the darkening sky.

[Brontë, 1846, p. 16]

себя, дочь оказалась способна «согреть» окружающих людей «пламенем своих чувств» (fire of feeling [Brontë, 1846, p. 17]).

В пору юности, первого поиска духовных ориентиров, героиня жила только размышлениями и учебой. Позднее, повзрослев и окрепнув, она оказалась на пороге перемен: «И вот, судьба возвестила о нем, / Об испытании, требующем огромной силы» (And stronger task did fate assign, / Task that a giant's strength might strain...) – жизнь побудила ее покинуть родной дом и столкнула с жестоким миром лицом к лицу.

Собрав «остатки душевных сил» (the wrecks of strength her soul retained), героиня покидает Англию и отправляется на континент. Отныне ее жизнь омрачается неким несчастьем, о котором лирический повествователь открыто не говорит: «Хотел бы я узнать, легче ли ей вдали / Утешиться или примириться со своим горем» (Fain would I know if distance renders / Relief or comfort to her woe [Brontë, 1846, p. 19]). Ей предстоит «долго страдать и не роптать никогда, / В исступлении сохранять спокойствие, сквозь боль улыбаться» (to suffer long and ne'er repine, / Be calm in frenzy, smile at pain [Brontë, 1846, p. 18]).

В бегстве от неназванной печали, героиня все же желает обрести свое место в жизни. На этом непростом пути рассказчик «с высоты» своих «опыта, мудрости и седин» (experience, sage and hoary [Brontë, 1846, p. 20]) прочит ей лишь тяжелый труд, бессильный заполнить «ноющую пустоту, / Безрадостную бессодержательность жизни...» (the aching hollow, / The joyless blank of life...). Он предрекает героине крушение надежд и разочарование:

Она вернется, но равнодушной и изменившейся,
Как все, чьи надежды угасли слишком скоро,
Как все, у кого не было приюта, чтобы скрыться
От яростных порывов ветра, калечащих сердце¹.

Внимая печальной истории семьи, безмолвный слушатель хочет взять в руки одну из реликвий, но лирический повествователь останавливает его: «Не трогай это кольцо, оно принадлежало ему – отцу / Этого покинутого ребенка; / Его вещи вызывают лишь /

¹ She will return, but cold and altered,
Like all whose hopes too soon depart;
Like all on whom have beat, unsheltered,
The bitter blasts that blight the heart.
[Brontë, 1846, p. 19]

Греховные воспоминания» (*Touch not that ring, 'twas his, the sire / Of that forsaken child; / And nought his relics can inspire / Save memories, sin-defiled* [Brontë, 1846, p. 20]). Этого человека рассказчик винит в том, как сложилась судьба двух дорогих ему женщин.

Жизнь отца семейства тоже обрывается трагически: его нашли «холодным – с самоубийственным клинком, / Стиснутым в отчаянной хватке» (*Cold – with the suicidal blade / Clutched in his desperate gripe* [Brontë, 1846, p. 20]). Открывшееся рассказчику страшное происшествие позволяет предположить, что именно оно стало тем потрясением, которое заставило девушку покинуть родной дом:

Ты знаешь место, где три черных древа
Вздывают тяжелые ветви
И, стеная, без устали, словно волны морские,
О крови пролитой шептать продолжают
С каждым дыханием ветра¹.

Тема памяти в «Реликвиях» раскрывается через оппозицию света и тьмы. Мотив света, связующий образы матери и дочери, ненадолго озаряет мрак заброшенного особняка. Однако с приходом ночи эти воскрешенные памятью образы теряют свою силу; тьма сгущается, и рассказчик, уже не находя в них защиты, призывает собеседника покинуть угрюмое жилище:

Но смотри-ка! ночь окутывает землю
И отравляет наши мысли унынием.
Пойдем, давай попробуем возродить веселье
В комнате уютнее этой,
Где пылает ясный и тихий очаг².

¹ You know the spot, where three black trees,
Lift up their branches fell,
And moaning, ceaseless as the seas,
Still seem, in every passing breeze,
The deed of blood to tell.

[Brontë, 1846, p. 20–21]

² But, lo! night, closing o'er the earth,
Infects our thoughts with gloom;
Come, let us strive to rally mirth,
Where glows a clear and tranquil hearth
In some more cheerful room.

[Brontë, 1846, p. 21]

Мотив тьмы связан с забвением, неизбежно наступающим образы и вещи умерших: «Все в этом доме порастает мхом / Все ненужное, потемневшее, сырое; / Ни света, ни тепла не найти в комнатах, / Где годами не топили камин, не зажигали лампу» (*All in this house is mossing over; / All is unused, and dim, and damp; / Nor light, nor warmth, the rooms discover – / Bereft for years of fire and lamp* [Brontë, 1846, p. 12]). Мысль о встрече с любимыми в ином мире «согревает» живых и освещает их жизненный путь, но это лишь краткая вспышка веры и надежды. Когда навеянные воспоминаниями чувства и впечатления слабеют, лирический повествователь и его слушатель стремятся вернуться к настоящему «ясному и тихому очагу».

В забвение погружается весь мрачный особняк, где время стирает границу между материальным миром и миром природы: «Думаю, едва ли за десять долгих лет / Чья-то рука коснулась этих реликвий; / Окутывая каждую вещь, медленно появляется, / Разрастается застарелая зеленая плесень» (*I scarcely think, for ten long years, / A hand has touched these relics old; / And, coating each, slow-formed, appears, / The growth of green and antique mould* [Brontë, 1846, p. 12]). Пейзаж постепенно поглощает навсегда покинутый дом:

И снаружи все увито плющом, льнущим
К дымоходу, решетке, серому мезонину;
Едва ли хотя бы одна маленькая красная роза
Сумеет пробиться сквозь зеленый мох.

Галка и скворец, осмелев, свили гнезда там,
Где высокая башенка тянется к небу,
И только ветер тревожит густые листья,
Где птицы нашли приют¹.

¹ And outside all is ivy, clinging
To chimney, lattice, gable grey;
Scarcely one little red rose springing
Through the green moss can force its way.

Unscared, the daw, and starling nestle,
Where the tall turret rises high,
And winds alone come near to rustle
The thick leaves where their cradles lie
[Brontë, 1846, p. 12–13].

Пейзаж, поглотивший старый дом, сам становится «реликвией минувших радостей и огорчений» – материальным сосудом памяти. В его пределах воспоминание о хозяйке теряет физическую форму, но обретает власть над пространством:

Порой, когда поздно вечером я неохотно
Взбираюсь по лестнице, мне чудится,
Чья-то тень – ей бы обрестись на небесах
Или где похуже – проплывет мимо¹.

Тема памяти имела особое значение и для самой поэтессы – Шарлотты Бронте: тяжелая болезнь унесла жизнь матери семейства, когда Марии Бронте (старшей дочери) было всего семь лет [Dinsdale, 2006, p. 28]. Мария заботилась о своих младших сестрах и брате, словно «маленькая мама» (a little mother), и Шарлотта всегда вспоминала о ней как о «существе сверхъестественной доброты и ума» (superhuman in goodness and cleverness [Dinsdale, 2006, p. 31]). Материальное положение овдовевшего Патрика Бронте было тяжелым, и он решил отправить своих четырех дочерей в Кован-Бридж – в пансион для детей сельского духовенства [Гражданская, 1988]. Марии едва исполнилось 11 лет, но, по воспоминаниям отца, он мог свободно обсудить с дочерью любую злободневную тему и получить не меньше удовольствия, чем от разговора со взрослыми приятелями [Gaskell, 1906].

Тяготы жизни в Кован-Бридже Шарлотта навсегда запечатлела на страницах романа «Джейн Эйр»: «На протяжении января, февраля и части марта <...> мы ежедневно проводили обязательный час на свежем воздухе. Убогая одежда не могла защитить нас от холода <...>. Наши ничем не защищенные руки немели и покрывались цыпками, и ноги тоже. <...> Кроме того – постоянный голод. У нас был обычный аппетит растущих детей, а еды, которую мы получали, только-только хватило бы не дать умереть больной старушке» [Бронте, 2022, с. 86]. Старшие дочери Мария и Елизавета умерли от туберкулеза, а Шарлотту и Эмилию, сильно ослабевших, отец забрал домой [Гражданская, 1988].

¹ I sometimes think, when late at even
I climb the stair reluctantly,
Some shape that should be well in heaven,
Or ill elsewhere, will pass by me.

[Brontë, 1846, p. 13]

Шарлотта видела, как болела Мария, переносившая свои страдания «по-христиански терпеливо и стойко» (with a patience and fortitude that were Christ-like [Dinsdale, 2006, p. 31]). По свидетельству Элизабет Гаскелл, Хелен Бёрнс – подруга Джейн Эйр в Ловудском приюте – «точная копия» Марии Бронте (the exact transcript [Gaskell, 1906]). Воспоминания о Марии, какой Шарлотта запечатлела ее в романе, пронизывает тот же мотив света, что и образы героинь стихотворения «Реликвии»: «Они [духовные силы] проснулись, они воспряли, они окрасили румянцем ее лицо... Затем они засияли в ее оживившихся глазах... Душа ее раскрылась, и речь потекла свободно, не знаю из какого истока. Может ли сердце четырнадцатилетней девочки быть настолько большим и настолько сильным, чтобы вместить родник чистого, убедительного, пылкого красноречия?» [Бронте, 2022, с. 105] (They [powers within her] woke; they kindled: first, they glowed in the bright tint of her cheek... then they shine in liquid lustre of her eyes... Then her soul sat on her lips and language flowed, from what source I cannot tell. Has a girl of fourteen a heart large enough, vigorous enough, to hold the swelling spring of pure, full, fervid eloquence? [Brontë, 1897]).

Тематика первых двух триптихов поэтического собрания сестер Бронте, где тесно сплетаются вера и память, отражает особую связь между этими категориями, существовавшую в сознании писательниц. Смерть не раз приходила в семью Бронте и со временем была осмыслена сестрами как неотъемлемая часть жизни. В составивших книгу стихотворениях Шарлотты, Эмили и Анны вера выступает силой, позволяющей пережить утрату и надеяться на воссоединение с любимыми, но уже в ином мире. При этом ментальное пространство памяти наполнено светом и гармонией, потерянными для лирических героев в настоящем в результате жизненных испытаний.

Список литературы

- Бронте Б.* Политика в Витрополе // Секрет. – Москва : Астрель, 2012. – С. 355–409.
- Бронте Ш.* Джейн Эйр. – Москва : АСТ, 2022. – 672 с.
- Бронте Ш.* Повести Англии. – Москва : Астрель, 2012. – 476 с.
- Гражданская З.* Роман Шарлотты Бронте «Джен Эйр» // *Бронте Ш.* Джен Эйр. – Москва : Правда, 1988. – С. 5–12. – URL: https://lib.ru/INOOLD/BRONTE/janeair.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 29.03.2025).
- Brontë A.* A reminiscence // Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell. – London : Smith, Elder and Co., 1846. – P. 10–11.

Комментарий к стихотворению Шарлотты Бронте «Реликвии»

Brontë C. Jane Eyre : an autobiography. – London : Service & Paton, 1897. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/1260/1260-h/1260-h.htm> (date of access 29.03.2025).

Brontë C. Mementos // Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell. – London : Smith, Elder and Co., 1846. – P. 11–21.

Brontë E. Faith and despondency // Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell. – London : Smith, Elder and Co., 1846. – P. 8–10.

Dinsdale A. The Brontës at Haworth. – London : Frances Lincoln Ltd, 2006. – 160 p.

Gaskell E.C. The life of Charlotte Brontë : in 2 vol. – London : Smith, Elder and Co., 1906. – Vol. 1. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1827/pg1827-images.html> (date of access 29.03.2025).